

внимание уделяется удовольствию воспоминания. Очевидно, что эти произведения, предназначенных для его наследников, представляют образ автора с разных точек зрения. Таким образом, «Капище» можно рассматривать не только как ««экстракт», компендиум «Повести»» [Коровин 1997: 323], но и как дополнительную его часть. В нем более подробно запоминаются люди и эпизоды, не нашедшие места в «Повести».

Литература

Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София : УИ “Св. Климент Охридски”, 2015.

Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М. : Наука, 1997.

Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. СПб. : Наука, 2004–2005.

Коровин В. И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М. : Наука, 1997. С. 283–350.

Кузнецова Н. В., Мельцин М. О. Преображение реальности в «Повести...» Кн. И. М. Долгорукова // Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. В 2-х тт. СПб. : Наука, 2005. Т. 2. С. 491–513.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : НЛЮ, 2007.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. От рукописи к книге. М. : Наука, 1991.

Lejeune Ph. Le pacte autobiographique. Paris : Édition du Seuil, 1975.

Lipovetsky G., Sébastien C. Los tiempos hipermodernos. Barcelona : Editorial Anagrama, 2008.

Pascal R. Design and Truth in Autobiography. London : Routledge, 2017.

Gigli R. The Poetics of Prince I. M. Dolgorukov’s Memoirs

Abstract: Prince I. M. Dolgorukov (1764–1823) is not only an interesting figure of the Russian cultural and literary scene, but also the author of noteworthy works in prose, devoted to the story of his life and time. In fact, the topic of this article is the poetics of his memoirs. In particular, «Povest o rozhdenii moyom, proiskhozhdenii i vsej zhizni» and «Kapische moego serdtsa» are analysed.

Keywords: I. M. Dolgorukov, memoirs, poetics, memory, 18th and 19th century Russian literature.

Е. А. Приписнова

(научный руководитель – доктор филологических наук Т. В. Федосеева)

Рязанский государственный университет

Рязань, Россия.

Выдающиеся современники в мемуарах Е. И. Раевской: образование, медицина, литература

Аннотация: статья посвящена исследованию содержания мемуаров Е. И. Раевской. Основное внимание в работе акцентируется на современниках Е. И. Раевской, которые внесли свой вклад в развитие различных сфер жизни человека. Предпринятый анализ

позволяет составить представление о бытовых и культурных традициях дворянских поместий, а также передают особенности нравов и общественных настроений эпохи.

Ключевые слова: мемуары, Е. И. Раевская, образование, медицина, литература.

Е. И. Раевская (Бибикова, 1817–1899) – писательница-мемуаристка, автор воспоминаний, дневников, заметок и записок, очерков и рассказов, в которых описаны особенности частной жизни, быта, нравов, образования, культуры XVIII–XIX веков. Мемуары Е. И. Раевской были опубликованы в историко-литературном журнале «Русский архив», отдельные публикации появились на страницах журнала «Исторический вестник».

В настоящее время творчеству Е. И. Раевской посвящено не столь внушительное число исследований: краткие упоминания в словарях, справочниках, научных статьях. Так, некоторые сведения мы встречаем в биографическом словаре русских писателей (1800–1917) [Николаев 2007: 245], в материалах по истории и генеалогии дворянских родов И. Ж. Рындина [Рындин 2012: 7]. И. В. Грачева, рассказывая об усадьбе Баловнево, Данковского уезда Рязанской губернии, и ее хозяевах Муромцевых, также привлекает воспоминания Е. И. Раевской [Грачева 2017: 199].

Е. И. Раевская была одной из немногих женщин, демонстрировавших широкий подход к описанию русской жизни. Мемуаристка обращает внимание на состояние помещичьего хозяйства, особенности службы, медицины, образования и культуры. В опубликованной мемуарной литературе содержится важный материал о Рязанской, Московской и Тульской губерниях. Невозможно рассказать об устройстве жизни того или иного края, не упоминая людей, его населявших. В проанализированных источниках можно встретить как короткие упоминания, так и развернутые жизнеописания знаменитых современников Е. И. Раевской, которые представляют большой интерес для исследователей этого жанра.

Мемуаристка писала о домашнем воспитании в провинциальных дворянских семьях. По традиции детей воспитывали гувернантки и гувернеры, которые обучали подрастающее поколение светским манерам, правилам поведения в семье и обществе, вместе с этим преподавали им иностранные языки, поэтому гувернанток в основном выбирали из числа иностранок. Такое воспитание Раевская оценивает скептически: «...девочек в высшем кругу обучали только танцам, брэнчанию на рояли и французской болтовне» [Раевская 1898: 540]. Часто наиболее состоятельные помещики приглашали к себе учителей музыки, преподавателей танцев. Новые поколения провинциального дворянства стали приглашать к своим детям профессиональных педагогов, обучающих основам наук. Качество образования нередко зависело от материального состояния семей. «Учителей нам брали всегда лучших в Москве, т.е. вместе и самых дорогих», – сообщает мемуаристка [Раевская 1898: 954]. Е. И. Раевская так говорит об особенностях обучения детей: «Детей с самого рождения учили всем Европейским языкам, кроме русского... У нас величайшим проступком считалось вымолвить русское слово, и за этот проступок нас строго наказывали» [Раевская 1883: 201]. Проблемой являлось и то, что в 20-е годы XIX века собственно детских книг не имелось ни на русском, ни на французском языке.

В 1883 году в журнале «Русский архив» Е. И. Раевская опубликовала отрывок из записок под названием «В память В. А. Золотова», посвященную памяти человека, обучавшего юную мемуаристку русской словесности. Очерк был написан за несколько лет до публикации, и был напечатан только после смерти В. А. Золотова. Всеобщее признание учитель получил после того, как изобрел звуковой метод обучения грамотности в лицее. Согласно его методике, детей учили говорить, а вместе с тем, конечно, и мыслить, вследствие чего они и в высших классах не нуждались в обыкновенных учебниках, и все главные предметы, такие как русская грамматика и словесность, всеобщая и русская история, математика и физика преподавались устно. Также этот человек известен «первыми публичными лекциями, безвозмездно им читаными в Петербурге и в Одессе по военному и морскому ведомству» [Раевская 1883: 201].

Мемуаристка познакомилась со своим будущим учителем, когда ей было девять лет, а ему двадцать один год. Вот что говорит она о своем учителе: «Я справедливо могу гордиться предметом моей первой любви. То был Василий Андреевич Золотов. Теперь он маститый старец, известный своей деятельностью, всеми уважаемый автор учебников для народных и других школ» [Раевская 1883: 200]. Е. И. Раевская сравнивает своего преподавателя с М. В. Ломоносовым, поскольку Золотов также прошел тернистый путь, прежде чем стать известным ученым. Примечательна запись об эмоциях ученицы при расставании с учителем: «После отъезда Золотова я прорыдала трое суток день и ночь, не смыкая глаз» [Раевская 1883: 205]. Некоторое время Екатерина Ивановна переписывалась с ним, после 1830 года, когда в Одессе открылась чума, письма стали приходить все реже. Их встреча состоялась спустя 17 лет, когда у той наивной десятилетней девочки уже было четверо детей. Золотов был проездом в Москве. «Представляю тебе предмет моей первой любви!» – так представила Екатерина Ивановна мужу своего учителя словесности [Раевская 1888: 206].

Не осталось без внимания Е. И. Раевской и состояние медицины в России. В 1888 году в «Русском архиве» был опубликован ее очерк «В память немногих. Из записной книжки. О врачах». В нем мемуаристка говорит о врачах XIX века. Она считает, что «деятельность врача – своего рода апостольство, подвижничество», и немногие способны на подобное «самоотвержение» [Раевская 1888: 293]. Выделяет Екатерина Ивановна хирургию, которая, по ее мнению, в XIX веке стремительно развивалась как за рубежом, так и в России.

Словами «Хочу хоть в памятной книжке своей сохранить эти имена», она открывает свой рассказ о К. И. Мизинге, Д. В. Насонове и А. И. Дроздове. Дроздов был военным медиком, а затем земским врачом в городе Раненбурге, относившимся в то время к Рязанской губернии. В 1871 году в городе и его окрестностях вспыхнула эпидемия холеры. На протяжении двух месяцев доктор без отдыха помогал больным. Именно эта напряженная работа его погубила: болезнь поразила легкие: «Память о его искусных операциях и сожаление о нем, как о человеке, живут до сих пор во всем округе: он скончался в начале 1874-го года» [Раевская 1888: 293].

Е. И. Раевская отмечает: «В нашем Епифанском уезде, Рязанской губернии, в начале тридцатых годов, врачей вовсе не было» [Раевская 1888: 294]. Е. И. Раевской было известно только о семидесятилетнем Никаноре Семеновиче Русакове, бывшем поваре одной из помещиц, который переехал из Тамбовской губернии в Елифань. «Докторов тут никого. А я смолоду был охотник разные травки собирать», – говорил он [Раевская 1888: 296]. Мемуаристка вспоминает о вспышках эпидемии оспы в поместье. До 1862 года помещики следили за прививанием крепостных взрослых и детей, хоть и занимался этим все тот же необразованный Никанор Семенович. После отмены крепостного права помещики не могли заставлять крестьян делать прививки, а сами они не понимали угрозы болезни и не видели в этом необходимости. С этого времени оспа свирепствовала повсеместно: «В 1883 году от оспы умирало множество детей и взрослых» [Раевская 1888: 297].

Е. И. Раевская вспоминала, что в марте 1832 года ее отец уехал по хозяйственным делам из Москвы в одну из степных деревень. В дороге Ивану Петровичу Бибикову стало плохо, его повезли обратно в столицу на своих лошадях, но остановились в уездном городе Зарайске Рязанской губернии. Именно там ему посоветовали обратиться к Василию Сергеевичу Георгиевскому: «Он был когда-то военным медиком, вышел в отставку, но военный мундир до сих пор носит. Живет в Зарайске, и к нему съезжаются больные со всех сторон, целыми семьями живут в городе. Пользуется Георгиевский всякого, и бедного, и богатого. Вылечивает самые закоренелые болезни, до тех пор неизлечимые. Просто гений!» [Раевская 1888: 297]. Одна особенность была у этого врача – он уходил в запой. Именно поэтому и оставил службу: «Вы не можете себе представить того ужасного

мучения, которое я испытываю <...> Точно у меня в желудке лежит высохшая губка, которая требует вина», – говорил врач И. П. Бибикову [Раевская 1888: 297].

Врач, действительно, помог отцу мемуаристки. Вылечил он и дочь богатого камергера М. М. Сонцова (Солнцева), который был женат на родной тетке А. С. Пушкина, Елизавете Львовне Сонцовой (Солнцовой). Вероятно, доктор получил нелестные характеристики за свои методы лечения. Например, по поводу известия о том, что доктор приказал слугам ежедневно бить одного барина, мемуаристка замечает: «Это не приспособленный ли к русским нравам тот же массаж, считающийся новейшим открытием Запада?» [Раевская 1888: 302]. Отмечает она также, что с появлением врача в городе настал порядок. Доктор следил даже за тем, чтобы съестные припасы всегда были свежими, особое внимание уделял аптеке: «В то время вряд ли в Москве какая могла сравниться с этой аптекой уездного городка» [Раевская 1888: 300].

Летом 1834 года Е. И. Раевская познакомилась с А. И. Полежаевым (1805–1838) на даче своего дяди А. И. Остермана-Толстого. В очерке «Встреча с Полежаевым» (1882) мемуаристка напишет: «В 1834 году мы провели весну и лето в селе Ильинском, стоящем от Москвы в 17-ти верстах. Утром всякий из нас занимался делом, но с обеда до полуночи мы всей семьей, а с нами и Александр Иванович гуляли по садам и прелестным окрестностям Ильинского. Во время прогулок братья ни на шаг не отходили от Полежаева, мы все прислушивались к его рассказам, он говорил о Кавказе...» [Раевская 1882: 233].

Популярность А. И. Полежаеву принесла поэма «Сашка» (1825), содержащая антиклерикальные и свободолюбивые строки. Обращенное к читателям стихотворное предисловие показывало полное пренебрежение к общественному суду. Список поэмы попал в руки сотрудника III Отделения И. П. Бибикова (отца Екатерины Ивановны), процитировавшего ее в донесении «О Московском университете». 21 июля 1826 г. А. И. Полежаев был доставлен в кремлевскую резиденцию императора, и тот после беседы с поэтом, сопровождавшейся чтением «Сашки» в присутствии министра народного образования адмирала А. С. Шишкова, наказал молодого автора принудительной военной службой. 4 августа 1826 года А. И. Полежаев был зачислен унтер-офицером в Бутырский пехотный полк, расположенный в Московском округе, с сохранением приобретенного им в университете права на чин XII-го класса, а следовательно, и на личное дворянство. После этого А. И. Полежаев был переведен на Кавказ. По возвращении в Москву в сентябре 1833 года был переведен в Тарутинский полк, 14 дивизии, 2 бригады.

Как сообщает В. В. Баранова, «Тарутинский егерский полк, куда был переведен Полежаев 1 сентября 1833 г., до середины июля 1834 г. был расквартирован в г. Зарайске, Рязанской губернии» [Баранова 1934: 237]. В это время Иван Петрович Бибилов тоже находился в этом городе у врача В. С. Георгиевского. «И там приютил у себя унтер-офицера, разжалованного 28-ми летнего поэта Полежаева» [Баранова 1934: 237]. Раскаиваясь в том, что когда-то предал Полежаева и отдал его в руки III Отделения, отец Екатерины Ивановны горячо, но безуспешно за него хлопотал. Не зная этого, Полежаев принял приглашение погостить у Бибиловых. В семье Бибиловых поэт нашел тепло и ласку, здесь он встретил чистую и нежную любовь шестнадцатилетней Катерины – дочери Ивана Петровича. Уют и забота домочадцев создавали благоприятную обстановку для работы. Здесь поэт переводил Гюго, писал стихи. В то время Екатерина училась живописи, по просьбе отца она нарисовала портрет Полежаева. До сих пор он хранится в Российской библиотеке в Москве, а в музее А. И. Полежаева в Саранске имеется его цифровая копия.

Увидев портрет, Александр Иванович экспромтом написал стихи:
Судьба меня в младенчестве убила!
Не знал я жизни тридцать лет,
Но ваша кисть мне вдруг проговорила

Восстань из тьмы, живи поэт.

И рацвела холодная могила

И я опять увидел свет [Полежаев 1987: 154].

А. И. Полежаев, по рассказам Е. И. Раевской, не был хорош собой. Роста он был невысокого, черты лица были неправильные, но вся наружность его с виду некрасивая могла в одно мгновение осветиться, преобразиться от одного взгляда «его чудных, искрометных, больших, черных глаз» [Раевская 1882: 233]. «Иногда в лунные ночи мы все катались на лодке по Москве-реке <...> Я увидела прелестную белую кувшинку и вскрикнула от восторга. Полежаев перегнулся через борт и подал мне сорванную кувшинку с плавучим зеленым листом. Этот засушенный лист и теперь покоится в заветной старой тетради» [Раевская 1882: 234].

Любовь А. И. Полежаева и Бибиковой была взаимной, но о женитьбе не могло быть и речи. И. П. Бибиков, имевший связи в Петербурге, написал своему родственнику, шефу жандармов Бенкендорфу, прошение о представлении к офицерскому званию прапорщика, в котором он характеризует Полежаева «переродившимся», поясняет, что тот «в свои 18 лет был горячим и неопытным, и голос его никогда не звучал против правительства» [Николаев 2007: 309].

К письму Бибиков приложил стихотворение «Божий суд», написанное Полежаевым по просьбе Бибикова в Ильинском. Прочитав стихотворение, Бибиков сказал: «Не можете ли прибавить под конец что-то в виде просьбы о прощении? – Я против царя ни в чем не виноват, просить прощения не в чем» – отвечал Полежаев [Николаев 2007: 310].

Пятнадцать июльских ясных дней провел поэт в Ильинском, настал срок прощания. Полежаев подал Катеньке книжку Гюго, из которой делал переводы, в ней был сложен лист бумаги, со стихотворением «Зачем хотите вы лишить...». А. И. Полежаев и Е. И. Бибикова больше не встречались. Поэт посвятил Бибиковой свои лучшие лирические стихотворения «Черные глаза», «Зачем хотите вы лишить ...», «К своему портрету», «Таланты Ваши оценить нельзя ...», «Грусть».

Мемуарное творчество Е. И. Раевской обращено к широкому фону российской действительности. Ее воспоминания дают не только интересный материал, позволяющий составить представление о хозяйственных заботах, бытовых и культурных традициях существования дворянских поместий, но и передают особенности нравов и общественных настроений эпохи.

Литература

Баранова В. В. Судьба литературного наследства Полежаева / В. В. Баранов // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. кн. XV. С. 221–257.

Вересаев В. В. Пушкин в жизни: (Систематический свод подлинных свидетельств современников) / В. В. Вересаев. М.: Астрель, 2011.

Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Том 10. Выпуск 7: Раевские-Сыробоярские. / под. ред. И. Ж. Рындина, с дополнениями Б. В. Горбунова. Рязань: Узоречье, 2012.

Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы / А. И. Полежаев. Л.: Сов. писатель, 1987.

Раевская Е. И. В память В. А. Золотова / Е. И. Раевская // Русский архив. 1883. № 1. кн. 1. С. 200–206.

Раевская Е. И. В память немногих. Из записной книжки. О врачах / Русский архив. 1888. № 1. кн. 1. С. 292–307.

Раевская Е. И. Воспоминания Екатерины Ивановны Раевской / Е. И. Раевская // Исторический вестник. 1898. Т. 74. № 11. С. 523–556; № 12. С. 938–975.

Раевская Е. И. Встреча с Полежаевым / Е. И. Раевская // Русский архив. 1882. № 6. кн. 3. С. 233–243.

Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь: Т. 5: П-С / гл. ред. П. А. Николаев. М. : Большая Российская энциклопедия. – (Русские писатели 11– 20вв.) – 2007.

Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения / А. А. Решетова, Т. В. Федосеева, Л. А. Анисарова, И. В. Грачева, Е. В. Греджева, И. В. Денисова, И. Ю. Жарова, К. А. Красовская, А. В. Сафронов, Н. И. Тангаева, О. С. Тополова; под ред. А. А. Решетовой, Т. В. Федосеевой. Рязань : Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2017.

Pripisnova E. A. Outstanding contemporaries in the memoirs of E. I. Raevskaya: education, medicine, literature

Abstract: the article is devoted to the study of the content of the memoirs of E. I. Raevskaya. The main attention in the work is focused on the contemporaries of E. I. Raevskaya, who made their contribution to the development of various spheres of human life. This analysis makes it clear that the memoirs of E. I. Raevskaya provide interesting material that allows you to get an idea of the economic concerns, household and cultural traditions of the existence of noble estates, as well as convey the peculiarities of the mores and public moods of that era.

Key words: memoirs, E. I. Raevskaya, education, medicine, literature

С. А. Туманова

(научный руководитель – доктор филологических наук И. В. Дергачева)

Московский государственный институт культуры

Москва, Россия

Дело петрашевцев: личность Достоевского в эпистолярном наследии 1849 года

Аннотация: в данной статье рассмотрены письма Ф. М. Достоевского из Петропавловской крепости, а также личность писателя сквозь призму его мыслей в обозначенный период. Прослеживается процесс «перерождения» Ф. М. Достоевского, его взглядов и убеждений. В эпистолярном наследии 1849 года писатель раскрывается с разных сторон, поэтому задачей исследования является анализ роли дела петрашевцев в жизни Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, петрашевцы, эпистолярный, христианство, 1849

В данной статье предоставлен анализ личности Достоевского сквозь призму эпистолярного наследия. Решение схожих задач встречается в работах Е. Ю. Сафронова, О. В. Седельникова, В. В. Борисова, Б. Н. Тихомиров, В. Н. Захаров и др. Е. Ю. Сафронова в статье «Традиции ораторских жанров в “Объяснении” Ф. М. Достоевского» раскрывает аспект выстраивания коммуникации между судьями и писателем во время дела петрашевцев. Этот же автор в статье «Литературный код поведения Ф. М. Достоевского в процессе 1849 года» обращает внимание на личность Достоевского, сравнивая его поступки с поступками других обвиняемых. В статье «Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Ф. М. Достоевского» О. В. Седельникова говорит о формировании основ почвенничества Ф. М. Достоевского (на что повлияли и петрашевцы). В. В. Борисова в статье «Эпистолярный Ф. М. Достоевского периода каторги и ссылки: код спасения» изучает христианский сюжет как элемент спасения писателя в годы каторги. Б. Н. Тихомиров в статье «Книги, бывшие у Ф. М. Достоевского во время